

группы давления или выражения интересов, что является вполне закономерной ступенью в формировании гражданского общества, и, наконец, это достаточно аморфные массовидные образования, «аудитории», не имеющие четких критериев коллективной идентичности, живущие настоящим, по блестящей метафоре З. Баумана, «прогуливающиеся», «бездомные», «туристы», «игроки», пребывающие в каждодневном поиске опыта и смысла [2, с. 80].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ.– М., 2000. – 608 с.
2. Костенко Н. Культурные идентичности: превращения и признания // Социология: теория, методы, маркетинг.– 2001.– № 4.– С. 69-88.
3. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. Пер. с нем.– М., 1996.– 352 с.
4. Тард Г. Общественное мнение и толпа.– М., 1905.
5. Турен А. Возвращение человека действующего. Пер. с франц.– М., 1998.– 204 с.
6. Grunig J., Repper F. Strategic Management, Publics and Issues // Excellence in Public Relations and Communication Management, Ed. by Grunig J.– N.Y., 1992.– P. 135-139.
7. Modernity and Identity.– Oxford, 1992.

Поступило в редакцию 22.03.2002 г.

Оказ Л.С.

(Симферополь, Украина)

ОВЛАДЕНИЕ КРЫМСКОТАТАРСКИМ ЯЗЫКОМ В ОНТОГЕНЕЗЕ КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Крымскотатарский язык представляет собой этническую ценность одного из тюркских народов. Его характеризует этнопсихологическая специфика реализации в коммуникативной действительности. Она базируется на особенностях национального мышления, вобравшего в себя не только традиции, обычаи, культуру, мировоззрение, но и кинесику, психологию и особенность логико-грамматического построения языка и речи. К сожалению, большая часть крымских татар не владеет родным языком.

Овладение родным языком – самая важная проблема на пути развития крымскотатарского мышления и самосознания. Однако ее решение, на наш взгляд, сопровождается различными психологическими трудностями.

Так, овладение крымскотатарским языком происходит в условиях крымскотатарско-русского и в некоторой степени крымскотатарско-турецкого билингвизма, что накладывает определенный отпечаток на разнофункциональные отрезки крымскотатарской языковой системы и поэтапно трансформирует национальные особенности мышления уже с раннего периода становления речи у детей.

В большинстве крымскотатарских семей дети на доречевом этапе формируются «крымскотатарскоязычными». Этому способствует активное участие в воспитании ребенка бабушек-дедушек, говорящих на разговорно-бытовом крымскотатарском языке,

и стремление родителей привить ребенку навыки общения на родном языке. В возрасте 8-9 месяцев крымскотатарские дети обычно пытаются произносить слова мамб, бобэ, дадбть, буф. Начиная с 10-ти месяцев и до года, они используют данные элементы, отождествляя их с конкретным значением и ситуацией: мамб (й) «кушать», дадбть «ругать», а-а «спать» или а(н)б «мама», ня-ням «кушать», няня «мама», буф «горячо» и мн. др. Несмотря на то, что в речи ребенка еще нельзя выделить прямые билингвистичные элементы, она уже давно не является одноязычной – все окружение ребенка в той или иной степени общается между собой больше на русском, чем на крымскотатарском языке, или смешанном языке, и, к сожалению, в сознании крымскотатарского ребенка уже в этот период начинает происходить этнопсихологическая трансформация. На данном этапе своего речевого развития он является активным участником коммуникации: слушает речь взрослых и самостоятельно пытается выстроить цепочку интуитивных правил построения этой речи, чтобы впоследствии ими пользоваться. Дальнейшее формирование его собственной языковой системы будет происходить под влиянием коммуникативно-грамматических ситуаций смешанного типа, воспринятых им в доречевой период.

С года до двух лет в речи ребенка уже прослеживается употребление звукоподражательных «слов-синонимов»: наравне с крымскотатарскими элементами для обозначения однозначных явлений используются русские слова. Их наличие можно охарактеризовать как свидетельство билингвистической сущности говорящего. Например: тых-тых и тук-тук («стучать»), няу и мяу («кошка»), вав, а-вав и ав-ав («собака»), бо-о(ка) и бе-е («баран») и др.

В период с двух до пяти лет дети проявляют особый интерес к окружающему миру и задают вопросы, при ответе на которые необходимо выходить за пределы бытовой лексики. В свою очередь, родители, в стремлении не создавать ребенку «проблем» в познании мира, называют вещи «своими именами» на том языке, который им больше знаком. Таким образом, они увеличивают не только ментальный лексикон своего ребенка, но и разрывают его этнопсихологическую связь с внешним миром. Окружающая действительность воспринимается представителями различных этнических групп по-разному, что является одной из важных предпосылок к становлению различных форм выражения однонаправленных мыслей, нравственно-психологических и языковых норм. например: «желтая роза» в русском языке ассоциируется с разлукой, а в крымскотатарском языке образ любимой женщины связывают с желтым цветком (цвет золота), с польняном, с гвоздикой (сары чичек, ляле, кьаранфиль и др). В данных условиях маленький участник коммуникации невольно оказывается в условиях некомпетентности и в родном, и в сопутствующем языке.

Говоря о том, что наибольшее распространение среди крымских татар получила форма крымскотатарско-русского билингвизма с преобладанием русскоязычного мышления, необходимо отметить ряд билингвистических особенностей овладения морфологией в доречевой период и более старшем возрасте. Усвоение грамматических форм родного и русского языков происходит в одинаковой последовательности (по Гвоздеву) [1, с.35]. Однако нами замечено, что при внутреннем взаимовлиянии языков ребенок в возрасте пяти лет создает смешанные формы категории повелительности. времени и личных форм глагола, которые находят свое отражение в крымскотатарской речи. например: прийти яп («приди»), кушать бер («дай кушать»), пока кельмеди («еще

не пришел») и др. Наряду с овладением морфологией, происходит постоянное обогащение лексического запаса ребенка и усвоение синтаксиса. На доречевом этапе – это формирование нераспространенных предложений, несущих разную смысловозначительную нагрузку, например: Няня бах. – «Мама смотри. Мама я стучу. Упал пирожок (печенье, булочка и т.д.)»; Бу бер – «Дай это. Он дал. Дай ему»; Кетти – «Ушел. Сказал до свидания», с сопровождением речи жестикуляцией и мимикой. В этот период овладения речью ребенок не только издает звуки, но и сопровождает все свои высказывания кинесическими движениями, конкретизируя и уточняя смысл собственного суждения.

В более поздний период проблема овладения крымскотатарским синтаксисом усугубляется тем, что для этого языка характерна негибкая синтаксическая конструкция, строгий порядок слов в предложении, а также конкретное месторасположение членов синтагмы, что прямо противоположно тем же явлениям русского языка. Американский психолог Сьюзен Эрвин-Трипп писала: «Чтобы стать носителем языка, нужно выучить правила». Т.е., как мы указывали ранее, необходимо создать свод интуитивно обоснованных правил, которыми сможет пользоваться ребенок для построения синтаксических образований разной степени сложности. Однако ребенок, подражая речи взрослых людей, активным слушателем которых он до сих пор являлся, создает интересные синтаксические комбинации, например: Бакъ о картинагъ. – «Посмотри на эту картину» – Правильно: Бу ресимге бакъ; Мумкюн кино бакъмагъа? – «Можно посмотреть кино?» – Правильно: Кино бакъмагъа мумкюнми?; Мен озюм тѣкерим чай – «Я налью себе чай сам» – Правильно: Мен чай озюм тѣкерим и др. Это типичные ошибки, которые можно наблюдать в речи детей и взрослых крымских татар. Дети не понимают, что их речь построена неправильно, взрослые же, преодолевая лексико-семантический и синтморфологический барьер, затрудняясь в подборе эквивалентов, необходимых для построения и передачи собственных мыслей. Таким образом, взрослые крымские татары чаще всего не могут управлять правильным построением речи детей, что еще более осложняет данную проблему.

Человек взрослеет, каждый день его жизни насыщается новыми явлениями, его мировоззрение расширяется, и, как следствие этого, наблюдается обогащение ментального лексикона. Однако функции говорения на родном языке у носителя-пользователя крымскотатарского языка постепенно сужаются. Говоря на родном бытовом и на многофункциональном русском языке, он не замечает, как постепенно начинает искать в родном языке слова, необходимые ему для передачи высказывания, ставшего результатом русской внутренней речи, или наоборот: понять крымскотатарское предложение сквозь скрытую в сознании призму русского языка. Мы наблюдаем возникновение проблемы языковой интерференции, которая характеризуется отсутствием необходимых речеобразующих навыков, лексического запаса для передачи необходимой информации на родном языке, наличием этнокультурных ограничений в языковой ситуации и лакун [2, с.295].

Указывая ряд психолингвистических факторов, влияющих на процесс овладения крымскими татарами родным языком, необходимо отметить, что основной предпосылкой возникновения данной многоаспектной проблемы является отсутствие социального статуса, что не только затрудняет процесс развития крымскотатарского языка и овладения им, но и создает комплекс «необходимости изучения родного языка».

Таким образом, необходимо придать социальный статус языку крымских татар, должным образом обратить внимание на проблему крымскотатарско-русского билингвизма и учитывать ее актуальность при решении многих других проблем, связанных с функционированием и развитием крымскотатарского языка в Крыму, и, исходя из этого, пересмотреть учебно-методическую литературу по русскому и украинскому языкам, используемую в процессе обучения крымских татар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белянин В.П. Введение в психолингвистику.-М.: ЧеРо, 1999.– С.35.
2. Залевская А.А. Введение в психолингвистику.– М.: РПГУ, 1999.– С.295.

Поступило в редакцию 25.03.2002 г.

Чайникова Ж.В.
(Киев, Украина)

ПРОЯВЛЕНИЕ РЕГУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ САМООЦЕНКИ У ДЕТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ОВЛАДЕНИЯ ИМИ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛЬЮ ШКОЛЬНИКА

Социальная идентичность складывается из тех аспектов «Образа Я», которые вытекают из осознания, ощущения, переживания индивидом своей принадлежности к определенным социальным группам. Как известно, чувство принадлежности к социальной общности призвано выполнять важные социальные и социально-психологические функции: со стороны личности – реализация базисных потребностей в принадлежности к группе, обеспечение защиты, возможностей самореализации, оценки другими и влияния на группу (сообщество); со стороны общества – включение индивидов в систему социальных взаимосвязей, отношений, обеспечение подчинения индивида социальной группе (конформность).

Объектами социальной идентификации детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста в нашем исследовании выступили семья, школьный класс, значимое близкое окружение. Старшие дошкольники в этом возрасте хотят не только удовлетворять познавательную потребность, но уже осознают необходимость удовлетворения в новом социальном статусе, который они получают, включаясь в учебный процесс как серьезную, значимую для общества, а значит, и для личности деятельность.

В связи с тем, что изменение социальной ситуации старшего дошкольника можно рассматривать как определенный психологический кризис, появление такого новообразования, как «внутренняя позиция школьника», предполагает изменения в эмоционально-аффективной сфере самосознания личности. Аффективные процессы в системе «Образа Я» начинают преобладать над когнитивными. Особенно это ярко проявляется в проведенном нами тестировании подготовленности к школе детей, когда дошкольником осознается значимость изменения социального статуса при дальнейшем развитии рефлексивной способности личности как механизма накопления и переосмысления своего и чужого, позитивного и негативного жизненного опыта. В этой ситуации эмоциональный компонент самооценки генерализируется и «перекрывает» когнитивный, что обуславливает повышенную тревожность детей. Чтобы исключить возможность проявления тестовой тревожности (ситуативной,